

Автор посвящает этот роман
памяти Ильяса Эфендиева

Рисунок Марины Медведевой

В том видимом измерении была полночь. Держа в каждой руке по пистолету, майор Лисаневич вбежал в залитый лунным светом двор летней резиденции Ибрагим Халил-хана и, открыв огонь по растерявшимся от внезапности охранникам, челяди, крикнул:

— Стреляйте в них!.. Рубите!.. Этим предателям нет пощады!.. Рубите их!..

Заполнившие вслед за Лисаневичем двор солдаты, войдя в раж, расстреливали, пронзали штыками проснувшихся, мечущихся в ужасе по двору, коридорам, лестницам, молящих о пощаде мужчин, женщин, детей.

ОН не хотел слышать плач детей, вскрики женщин, но это от НЕГО не зависело, плачи, эти вскрики стали откровенно душить свободу, самостоятельность ЕГО бесплотной и невесомой субстанции, словно хотели вывести, вызволить ЕГО из этой бесплотности и невесомости. Но ОН ничего не мог поделать.

Майор Лисаневич стремительно взлетел по ступеням лестницы, ворвался на веранду второго этажа.

Вышедший из спальни в ночной рубашке Ибрагим Халил-хан оказался лицом к лицу с майором Лисаневичем.

Мелкие, серые, еще больше посеревшие при лунном свете глаза майора, казалось, готовы испепелить хана. «Ну что, старый лис, — крикнул он дрожащим от ярости голосом, — это ты тайно призывал Аббаса Мирзу в Карабах? Ну и как? Думал, что я не прознаю, подлец?! Где теперь твои Каджары?! Где Фатали-шах? Отчего они не придут и не спасут тебя?!»

И майор Лисаневич, не дав открыть рот хану, чьи глаза от ужаса, казалось, готовы выскочить из орбит, одним выстрелом уложил Ибрагим Халила на землю и, глядя на хрипящего и истекающего кровью хана, сказал:

— Ну как? Как поживаешь, наш новоиспеченный генерал-лейтенант? Поглядите на этого нашего генерал-лейтенанта! Получай!

И майор Дмитрий Тихонович Лисаневич выстрелил из второго пистолета прямо в сердце Ибрагим Халил-хана...

...Затем ОН медленно вернулся в свою бесплотную и невесомую субстанцию, и в ней родилась трепетная надежда, что смысл всего происшедшего прояснится позже. Если какая-то сила притягивает ЕГО к себе, ОН обязательно туда (куда?) полетит, тогда там все и прояснится. Но то видимое измерение не отпускало ЕГО, словно не желало, чтоб все стало ясно, однако...

...Но только там (где?) будет ли все ясно?..

Фатали-шах, мягко ступая, приблизился к спальне, а евнух, что стоял у входа, устремив желто-зеленые, напоминающие кошачьи глаза, как всегда, ждал указаний властителя, но еще до того, как шах открыл рот, опыт долгих лет подсказал скопцу: шах задумчив и эту ночь проведет один.

И правда, приблизившись к дверям, не глядя, буд-то и нет такого существа, как евнух Абдул Рахман, шах бросил как бы в пустоту:

— Буду спать один. — Затем, чуть придержав шаг и добавив: — Пусть с утра Акбари-Азербайджани будет здесь и ждет моих указаний! — прошел в свою спальню.

Да, таковы grimасы судьбы, вот и конец Наместнику Цицианову.

И в эту зимнюю ночь он вытащил из кармана своего шелкового халата Коран — поцеловал, поднес, по обычаю, книгу к глазам, положил ее под подушку — этот небольшой, в ладонь, Священный Коран, переписан Сеидом Мир Багиром Шабрани — любимым переписчиком Ага Мухаммед-шаха Каджара, и подарен самим шахом Баба-хану; со дня восшествия на престол Фатали всегда носил его с собой, а ложась спать, клал под подушку.

Да, мир полон подобных неожиданных поворотов, ибо сам этот мир — изначальная тайна.

В эту ночь — всего полчаса назад — гонцы Аббаса Мирзы привезли весть: Гусейнкули-хан организовал у ворот Бакинской крепости покушение на Цицианова и отправил отрезанную голову Наместника в Тегеран.

В Тегеран, то есть к нему — Фатали-шаху.

Шах, не раздеваясь, присел на краешек ложа.

Игра теней от свечей на столе посреди комнаты отражалась на стене, и сидящий напротив Фатали-шах, глядя на блики, никак не мог понять, как Гусейнкули-хан, человек по нраву опасливый, осторожный, как гусь, из тех, что, как говорится, обжегшись на молоке, дует на воду, мог решиться на столь страшное дело? Весьма возможно, что Гусейнкули-хан поставлен перед фактом своими же приближенными, но как бы то ни было, подобное коварство — сначала объявить, что принимает российское подданство, всячески уверять Наместника в безопасности, а затем организовать на него покушение, — не к лицу Гусейнкули-хану.

А где были мозги Цицианова, что он отправился за ключами Бакинской крепости один, без сопровождения? Причина, конечно же, не в клятвенных заверениях Гусейнкули-хана, истинная причина — в чванливости, безудержной надменности, спеси, но главное то, что Наместник глядел сверху вниз, чуть ли не с седьмого неба, чуть ли не как небожитель на все ханства по ту

сторону Аракса, на грузинских принцев, дагестанских царьков, в целом на весь люд Кавказа.

Будешь глядеть сверху вниз — таким и станет твой конец!

Но что даст смерть Цицианова, неужели русские, как и тринадцать лет назад, выведут войска? Фатали-шах улыбнулся этой простодушной мысли: за три с половиной года Наместник сотворил на Южном Кавказе такое, что хоть мир перевернется, но Россия не станет отдавать войска. Цицианов присоединил к России, можно сказать, почти весь тот берег Аракса, разве Александр такой, как его покойный отец, недоумок, чтобы выводить войска? Нет, Александр отнюдь не безумен, одна надежда, что новый Наместник окажется беспомощней, слабей, не таким хватким, решительным и дерзким, как убитый Цицианов.

В то время, ровно семь месяцев назад, в весенний день Фатали-хану сообщили, что его тесть — Ибрагим Халил-хан, приняв российское подданство, сдал Карабахское ханство Цицианову; он воспринял эту недобрую весть, как и другие подобные новости, внешне хладнокровно, чего только не происходило в последнее время, но внутренне был потрясен. Северный Кавказ, как и Грузия, уплывал из рук, принятие Карабахом после гянджинских событий российского подданства откроет настежь, без сопротивления, ворота и других ханств — в этом Фатали-шах несколько не сомневался, и его предположение подтвердилось. Не прошло и месяца, как подобострастно приняло российское подданство Шекинское ханство, безо всяких условий Мустафа-хан вручил Цицианову Ширван, и то, что вскоре Бакинское ханство так же безропотно падет в объятия русских, было ясно Фатали-шаху как божий день: Гусейнкули-хан не станет, подобно незабвенному Джавад-хану, бодаться с русскими.

Разумеется, подобное малодушие и ненадежность азербайджанских ханов сказывались на Фатали-шахе, он гневался, порой даже выходил из себя, впрочем, что могли поделывать ханы? Они оказались лицом к лицу с таким исчадием, как Цицианов. Судьба Джавад-хана черной горой высилась над ними — на видимую гору проводник не нужен, — они видели и то, что русская армия более современна, дисциплинированна, ее управляемость более совершенна, и каким способным бы ни был Аббас Мирза, в какие тяжкие ни пускался бы, ему не совладать с русской армией. Сила надломит.

Если бы эти мысли произнес кто-то иной, Фатали приказал бы вздернуть его на виселице как предателя и изменника Родины, сам же все отлично понимал... Но что делать? Вытянуть руки по швам и ждать, когда русские перейдут и на этот берег Аракса, подомнут и его под себя?

Франция и Англия схватились друг с другом не на шутку, но в отношении к России они едины: стараются вовлечь его, Фатали-шаха, в войну с Россией. Будто Фатали не понимает, что и Англия, и Франция делают это не из любви к его серым глазам, всяк играет свою игру, дудит в свою дуду. С одной стороны, каждый хочет видеть в России союзника, с другой — исподволь старается перегрызть горло русскому медведю. Все это им, Фатали-шахом, прочитывается спокойно, но что поделаться, он тоже старается, используя Европу, преградить путь русской армии. Впрочем, где то вооружение, боеприпасы, снаряжение, что щедро обещали и французы, и англичане?

Правда, четыре года назад Фатали-шах, подписав договор с Англией, получил от нее немало оружия и снаряжения, якобы для противостояния афганским племенам, совершающим набеги на Индию, но русские отлично знали, что на том берегу Аббас Мирза воюет именно этим английским оружием. Верно, тем самым оружием Аббас Мирза стремится защитить интересы своего государства, но одновременно, желает того или нет, служит и интересам Англии в Индии.

Это политические игры — пусть будет так, но и оружие устаревает, выходит из строя, у Европы нынче своих проблем выше головы, она не снабжает ни оружием, ни боеприпасами, сейчас этим арсеналом европейцы уничтожают друг друга. Наполеон осыпал ядрами всю Европу, но даже если это было не так, он, Фатали-шах, совершенно убежден, что европейцы не протянут настоящую руку помощи, ибо они более жадные, чем русские, сами, небось, зарятся на Каджарское шахство, всячески стараются втянуть Фатали в войну с Россией, чтобы и Россия ослабела, и перешибло дыхание самому Фатали-шаху.

Но и без их науськиваний у Фатали нет иного выхода, чем ввязаться в войну, а вот ее-то он явно проигрывал, и главная причина — отставание, в том, что не способно идти в ногу со временем. Современные открытия — те, что позволяют год от года обновлять все, начиная от ружей и пушек, кончая кораблями, создавать мощные армии, что ведут нацию вперед, — совершались в Европе. Даже то, что когда-то было изобретено на Востоке, нынче, совершенствуясь, применяется Европой, — обо всем этом Фатали-шах размышлял с болью в сердце. Сегодня Европа, и в первую очередь Наполеон и Англия, стремятся перекроить карту мира. Англичане вслух не говорят об этом, но опасаются продвижения России на Восток, вдруг те доберутся до Персидского залива, Индийского океана, так можно потерять и Индию. Думаешь, Наполеон не мечтает о захвате Стамбула? Хотя провозглашает: «Радости и печали Османов — радости и печали Франции». Фатали-шах и тут был совершенно

уверен, что на деле в планах Наполеона — взятие Стамбула, проникновение в шахство Каджаров, а затем и захват Индии, — об этом он ни от кого не слышал, но о многом говорила интуиция. У него и в Англии, и во Франции имелись платные агенты, в основном обедневшие английские и французские аристократы, но присылаемая ими информация часто бывала ложной, недостоверной, хуже того — примитивной.

Правда, после того как Наполеон объявил себя императором, Султан Селим не только признал этот факт, но даже указом осчастливил корсиканца саном падишаха, — Фатали-шах улыбнулся одними губами, конечно, это было смешно, — но что мог поделаться Султан Селим? В этом году после договора¹, подписанного Османами с французами, Франция стала соседствовать² с Османами, и Фатали-шах не сомневался, что если Франция подтянет к границе войска, то Наполеон не только не защитит Султана Селима, но в любой момент может, перейдя границу, пойти походом на Стамбул. Что с того, что Селим — враг? Он человек умный, все понимает хорошо, поэтому вынужден делать, что скажет Наполеон. Селим не случайно взялся за реформы, но чем это кончится? Бог его знает! И Осман³ начинал проводить в армии проевропейские реформы, но приближенные сами свергли, бросили его в темницу Семи башен, затем, прикончив, торжественно предали бедолагу земле в мечети Султан Меджида, а те реформы пошли по ветру.

Но на свете происходят такие неожиданные события...

Фатали-шах все сидел на краешке кровати, глядя на блики на стене от горящих в серебряном подсвечнике свечей, раздумывая, как все же странна жизнь. Голову Наместника Цицианова, которого он ни разу не видел, но чье имя все эти три с половиной года слышал едва ли не каждый день, везут к нему... Гусейнкули хочет продемонстрировать, доказать свою верность, но и Фатали, да и сам Гусейнкули отлично знали, что в мире политики слово «верность» не стоит и ломаного гроша, в мире политики нет понятия верности; в политике человеку, который не знает этого и, ударяя себя в грудь, восклицает: «Я — верный!», делать нечего.

Да, русская армия современна, дисциплинирована, имеет совершенную управляемость, но мог явиться командующий, который свел бы все это на нет, а мог быть прислан полководец, такой как, например, Цици-

¹ Имеется в виду заключенный в 1806 году между Францией и Османской империей Пресбургский договор.

² После Пресбургского договора Хорватия и Далмация вошли в состав Франции, таким образом, Франция и Османский султанат стали соседями.

³ Речь идет о Султане Османе II.

анов, кто умело и со знанием дела использовал эти преимущества. В день, когда Фатали-шаху сообщили, что и Ширванское ханство приняло российское подданство, он, будучи человеком верующим, но совершенно равнодушным к любому суеверию, больше того, считающим магов и колдунов мошенниками, внезапно вспомнил евнуха Абдул Рахмана: тот рассказывал о чудесах, которые творит некий человек, преподающий в одном из тегеранских медресе, — будто никто не может противиться его колдовству, его заговоры, словно точно пущенные в цель пули, разбивают все происки дьявола, если прицелился — нет сомнений, угодит в десятку.

И Фатали-шах, сам того не ожидая, — вероятно, это было результатом внутреннего потрясения, — словно гневаясь, мстя самому себе за то, что дела в Северном Азербайджане достигли такого предела, потребовал к себе евнуха:

— Как звали того учителя, который, как ты говорил, способен на различные чудеса?

В минуты внутреннего напряжения Фатали-шах часто говорил не на фарси, он переходил на азербайджанский, вот и на сей раз задал вопрос по-азербайджански.

— Мирза Мухаммед Акбари-Азербайджани, — тоже на азербайджанском, запнувшись — у него пересохло горло, — ответил евнух.

Скопец хорошо знал, что подобные внезапные вызовы и вопросы часто добром не кончаются.

Фатали-шах, глядя прямо в желто-зеленые, напоминающие кошачьи глаза евнуха Абдул Рахмана, приказал:

— Скажи, чтоб привели его ко мне.

И в тот же день Фатали-шах некоторое время молча разглядывал невысокого, тщедушного — кости да кожа — голубоглазого человека, преподавателя медресе, Мирзу Мухаммеда Акбари-Азербайджани, затем — и на сей раз по-азербайджански, спросил:

— Говорят, своими заговорами ты способен преодолеть любые происки дьявола. Это так?

— Верно говорят! — ответил с не соответствующей его телосложению жесткой уверенностью Мирза Мухаммед Акбари-Азербайджани.

Этот человек впервые в жизни оказался во дворце, впервые лицезрел сурового шаха, но ни на его лице, жестко обтянутом кожей, ни в голубых глазах не было и намека, что он тушует, робеет, и эта его незави-

симость говорила: его способности — не чепуха, не вздор, на самом деле все куда серьезней.

Фатали-шах, как всегда сузив глаза, еще раз внимательно посмотрел на приглашенного:

— Как ты думаешь, врагом нашего государства движет воля дьявола?

— В этом не сомневайтесь! — с той же решимостью отвечал Мирза Мухаммед.

— Ты слышал имя Наместника Цицианова?

— Будь он трижды проклят! Как не слышать?

— Его... — Фатали-шах сделал паузу, словно в этот момент сам застыдил за себя и за слова, что произнесет, добавил: — Сможешь, заговорив, устроить его смерть?

Не успел Фатали-шах произнести эти слова, как Мирза Мухаммед Акбари-Азербайджани выпалил:

— Сделаю так, что ему отрежут голову!

Воцарилось молчание, казалось, быстрые и решительные ответы и сам вид этого преподавателя бог знает какого захудалого медресе создали атмосферу какой-то растерянности, и наконец Фатали-шах спросил:

— А как ты сам ценишь собственную голову?

— Да, — снова мгновенно ответил тот. — Мне до рога моя голова.

Фатали-шаху подумалось, что рука этого человека, вероятно, крепче, сильнее его хилого, тщедушного тела, и он спросил:

— Что тебе для этого необходимо?

— Мне надо сорок дней, больше ничего.

Фатали-шах, еще больше сузив взгляд, снова испытующе глянул на Мирзу Мухаммеда Акбари-Азербайджани, затем с особым ударением спросил:

— Говоришь, больше ничего?

— И еще, пусть в эти сорок дней никто не встречается в мои дела. Я отправлюсь в город Рей и сорок дней проведу там, в мечети Шах Абдул Азима. Главное, пусть никто не вмешивается в мои дела. Все!

— Все?

— Да, все!

Фатали-шах снова внимательно зыркнул на преподавателя медресе:

— Знаешь, у меня хорошая память!

— И у меня тоже, — ответил Мирза Мухаммед, и в этот момент евнух Абдул Рахман, стоящий поодаль, еле удержался, чтоб не приблизиться и, потянув за подол, не сказать грубияну: «Эй ты, чурбан, сын чурбана, что себе позволяешь в присутствии самого шахиншаха?»

В ту ночь Фатали-шах спал очень беспокойно, то дремал, то просыпался, и в этом состоянии, между сном и бодрствованием, перед его глазами стояло лицо — кожа да кости — Мирза Мухаммеда и его голубые глаза. Еще с ранней юности Фатали-шах — тогда он

еще звался Баба-ханом — пролил столько крови, по его повелению было казнено столько людей, вздернуто на эту ночь, смятения. Он совершенно не верил, что Мирза Мухаммед посредством магии, колдовства, заговора сможет покончить с Наместником Цициановым, и у него возникло такое чувство, будто, призвав к себе этого тщедушного, никчемного человечка, он совершил нечто непотребное, погрузился в какие-то нечистоты.

Стыд от того, что он заказал этому голубоглазому существу смерть Наместника Цицианова, унижал его в собственных глазах. И, желая преодолеть это чувство стыда, он подумал, что через сорок дней, сказав «Вот и все!», несмотря на все отговорки и оправдания этого преподавателя медресе, осмелившегося плутовать в присутствии самого шаха, прикажет вздернуть его на виселице, чтоб это было уроком невежественному люду, да чтобы и скопец тоже не позволял себе нести подобную ересь.

Дело не в том, что он заказал убийство Наместника Цицианова, а в том, что Священный Коран повелел: «Нельзя несправедливо казнить людей, чью казнь Всевышний сочтет за грех, будь то мусульманин или иноверец»¹.

За Наместником Цициановым числилось столько грехов, что снести его голову никак не могло считаться грехом, но то, что правитель такого большого государства, самодержец такой страны — Фатали-шах — прибег к помощи какого-то колдуна, проходимца, опустился на его уровень, конечно же, никак не красит его.

После беспокойной ночи занялось новое утро, повседневные заботы и хлопоты государства увели в непроглядную недостижимую даль то чувство огорчения и постыдности. Фатали-шах отправил евнуха к Аббасу Мирзе — никто, кроме него, не доложил бы обстоятельно о положении на том берегу Аракса, а тщедушный человечек вспомнился ему только раз, когда местные соглядатаи сообщили, что Мирза Мухаммед Акбари-Азербайджани занимается в Рее в мечети Шах Абдул Азима богослужением, часто удаляется в какую-нибудь келью, отрывает головы восковых фигур и из-за страха перед шахом никто не смеет прогнать его из мечети.

Теперь прошло не сорок, а тридцать с чем-то дней, и к нему, к Фатали-шаху везут не самого Наместника, а его голову.

Фатали-шах встал, вышел из спальни. Увидев его, охранники вытянулись, ожидая указаний.

¹ Имеется в виду 151-й стих суры Корана: «Не приближайтесь к явным или скрытым худым делам. Не допускайте смерть существа, которую Аллах сочтет грехом (не казните невинно мусульман или иноверцев)».

Иногда, особенно в последнее время, Фатали-шах мог внезапно, посреди ночи, явиться из спальни, чтобы проверить бдительность охраны, но в этот раз он не вернулся к себе и, не дожидаясь утра, отправил гонцов в Рей, чтобы нашли Мирзу Мухаммеда Акбари-Азербайджани в мечети Шах Абдул Азима и привезли к нему.

Когда этого тщедушного голубоглазого человека снова ввели в тронный зал, от внимания Фатали-шаха не ускользнуло, что внезапный ночной вызов обескуражил Мирзу Мухаммеда Акбари-Азербайджани, тот явно был в смятении. И подобная обескураженность, смятение никак не увязывались с его уверенностью и заносчивостью во время первой их встречи.

— Ну, говори, я слушаю! — сказал Фатали-шах.

Мирза Мухаммед уже не скрывал своей растерянности:

— Ведь еще не исполнилось сорока дней... — сказал он взволнованно. — Я же говорил, что результат будет через сорок дней. Прошло всего тридцать четыре дня.

Этот человек и знать не знал о судьбе Наместника Цицианова! Он и ведать не ведал, что Голову уже везут в Тегеран.

Фатали-шах помолчал, и, не зная, как расценить это молчание, Мирза Мухаммед с явным страхом в голосе произнес:

— Еще рано! Я не закончил свою работу...

Фатали-шах встал с трона, сказав «Можешь идти!», и покинул тронный зал.

Шах повелел не трогать Мирзу Мухаммеда, только выдворить из страны. Рассказывали, что он устроился в Самарканде и прославился там как крупный маг и чародей.

А в Тегеране люди меж собой судачили, что, опасаясь магических чар Мирзы Мухаммеда, Фатали-шах навсегда удалил его из Ирана.

* * *

Заснеженные сибирские поля окутала вьюга...

Ветер поднимал с земли снежную россыпь, бил в лицо вытянутых в вереницу, словно утиная стая, закованных в кандалы, одетых в тряпье узников, сопровождаемых конными конвоирами.

Один из узников, чьи длинные космы слились с бородой, а брови и ресницы тоже заляпаны снегом, на минуту придержав шаг, подняв голову, голосом, напоминающим волчий вой, крикнул: «Я — Атилла», и эхо его крика в том видимом измерении слилось с завыванием вьюги.

И в тот же миг подскакавший конвоир огрел его кнутом по спине: «Пошел!.. Пошел!..»

И ЕГО память тотчас, конечно же, узнала того узника: тринадцатипяти-четырнадцатилетний племянник Гусейнкули-хана, стоя в стороне, наблюдал за учебой солдат на плацу Бакинского гарнизона, и начальник гарнизона генерал-майор Цицианов читал в глазах внимательного юнца интерес и откровенную ненависть, но, не желая обижать Гусейнкули-хана, не стал прогонять его любимого племянника — Махмуд-бека...

Закованный в кандалы Махмуд-бек снова придержал шаг, подняв голову к небу, тем же голосом, напоминающим волчий вой, крикнул: «Я — Божий бич!»¹, и эхо того крика слилось с порывом вьюги заснеженных сибирских полей.

Едущий впереди, явно начальник конвоя, обернувшись к конвоиру, что был ближе других к Махмуд-беку, крикнул: «Заткни глотку этому безумцу!.. Слышишь?! Заткни ему рот!..»

На сей раз конвоир огрел Махмуд-бека по спине уже дважды: «Хватит!.. Сказано тебе — не вой!» — а в третий сзади ударил Махмуд-бека по темени...

25

Баяти, что распевали на празднествах, свадьбах в Тегеране ашуги:

Живы в древних городах
Дух Шеки, Ширвана шах.
Тегеран, да будь он раем,
Краше рая Карабах.

Перевод Аллы Ахундовой

Это было любимое баяти живущих в городе азербайджанцев, не только их, но и не очень хорошо владеющих азербайджанским персов, армян, курдов, словом, всех жителей Тегерана. Удивительно, почему это немудреное баяти столь широко распространилось в Тегеране? Может, тоска в нем объяснялась не только тоской по родине, а жаждой спокойствия, безопасности, уверенности в это непростое время, но, конечно, и тем, что его автором была Агабегим — старшая жена Фатали-шаха, которую жители Тегерана называли «госпожой сестрой», и это баяти она пропела как стон, крик души.

События последних лет — возникший после убийства Надир-шаха хаос, жестокая борьба за власть в период правления Зендов — все это осталось в прошлом: Ага Мухаммед-шах Каджар уверенно взял власть в свои

¹ В Европе тюркского полководца и правителя Атиллу, создавшего в V веке нашей эры гигантскую империю от Волги до Рейна, называли Божьим бичом.

руки, наконец-то в государстве установилось относительное спокойствие и относительная безопасность. Но спокойствие и безопасность, после долгих лет гибельных потерь, нужды и страданий не даровали жителям Тегерана любви и милосердия. У Ага Мухаммед-шаха не было супруги, в детстве он был оскотлен Зендами, у Фатали-шаха имелся гарем, а жители Тегерана обрели любовь, сострадание и милосердие в лице дочери Ибрагим Халил-хана — Агабегим, когда, сосватанная Фатали-шахом, она прибыла из Карабаха.

Когда Ага Мухаммед-шах Каджар был убит в Шуше, вернувшийся в свою столицу Ибрагим Халил-хан со всеми почестями и приличествующими траурными церемониями отправил его останки в Тегеран. Фатали-шах остался доволен этим поступком Ибрагим Халил-хана — карабахцы могли проявить неуважение, даже осквернить память его родного дяди, — желая подтвердить прощение, он отправил в Шушу людей, сватаясь к Агабегим, о которой был много наслышан. И Ибрагим Халил-хан был вынужден отправить любимую дочь в чужие края, в Тегеран — во дворец, гнездо интриг и раздоров: что делать, следовало защитить, обезопасить Шушу и в целом Карабах от Каджаров. Тем, что останки Ага Мухаммед-шаха со всеми высокими почестями были отправлены в Тегеран, вопрос не был закрыт. И понимая, в какой ситуации находится отец, Агабегим, всей душой привязанная к Карабаху, не смогла отклонить это сватовство.

Среди тегеранцев ходили слухи — кто знает, правда это или нет? — что Агабегим была влюблена в Мухаммед-бека, сына ее дяди по отцу Мехрали-бека. И эти толки о несчастной любви внесли в отношения «сестры» с тегеранцами особую задушевность. Даже у женщин, втайне, меж собой судачивших об этой неразделенной любви в Тегеране — и стены имеют уши, и эти пересуды могли дойти и до дворца, — влажнели глаза, и они еле удерживали себя, чтобы не заплакать... Эта несчастная любовь «сестры» уже превратилась в устах тегеранцев в прекрасную и трогательную легенду.

Агабегим была опорой и надеждой простых тегеранцев, особенно женщин; каждая, у которой в семье имелся больной, убогий, кто страдал от голода, у кого пропал сын, брошен в темницу муж, чаще обращались с прошениями к ней, нежели к шаху. Она стремилась оказывать посильную помощь всем и часто добивалась своего — шах высоко ценил ее не только за красоту, но и за ум, образованность, сдержанность, рассудительность — ей удавалось отменить чей-то приговор, кому-то помочь деньгами из казны, освободиться из плена, быть помилованным; какой-то счастливчик благодаря ей избегал неминуемой казни. Тегеранцы слышали, что еще девушкой в Шуше, когда ее отец, осерчав на что-то, в ярости приказал сбросить прови-

нившего со скалы Хазне в каменистую пропасть, она упросила его, спасла бедолагу от неминуемой гибели.

Она была ученицей покойного визиря Ибрагим Халил-хана — известного поэта и политика Моллы Панаха Вагифа, знавшего наизусть все до единой суры Священного Корана, пишущего стихи не только на азербайджанском, но и на фарси. Агабегим, изучив в совершенстве арабский, французский, русский языки, переписывалась с супругой Наполеона Жозефиной и с супругой императора России Александра Елизаветой. Ее Величество Елизавета в одном из посланий Агабегим писала: «Моя уважаемая госпожа, Ваша одаренность — путеводная звезда судьбы шаха». Все принцы Каджаров, да и отпрыски азербайджанских ханов, знали, что деспотичный Наместник Цицианов ни за что не хотел отпускать попавшего в плен на том берегу Аракса к русским Гасан-хана — брата эриванского хана Мухаммеда, и только после того, как Агабегим обратилась с письмом к Елизавете, Гасан-хан был освобожден. И о другом случае передавали из уст в уста: в Тегеране был арестован и брошен в застенки некий ботаник Андре де Форш, прибывший из Парижа. Он собирал в степях и на холмах различные цветы и растения. Его заподозрили в шпионаже, и он ожидал своей казни, но к Агабегим обратилась, по слухам, известная во Франции мадам де Сталь, она подтвердила письмом, что Андре де Форш на самом деле является известным в Европе ученым-ботаником, просила не пожалеть усилий для его освобождения. Французский посол Франсуа де Лафонжен — его родной брат Жерар де Лафонжен работал в посольстве Франции в России и был своим человеком во дворце Александра — во время встреч с шахом несколько раз покорнейше просил освободить ботаника, даже передал специальное письмо министра иностранных дел Франции, князя Талейрана. Но Фатали-шах, несколько не доверявший послу, зная, под какими личинами могут скрываться шпионы, больше года держал ученого в заточении, и этот несчастный француз — являлся ли он шпионом или нет — был освобожден после просьбы мадам де Сталь к старшей жене шаха. Выйдя из темницы, боясь открыть глаза от спящего света, до самого отъезда в Париж, ученый, плача, повторял:

— Je vous remercie beaucoup votre majeste, Agabeyim Aga!.. Je vous remercie beaucoup votre majeste, Agabeyim Aga!..¹

С Андре де Форшем связана еще одна занятная история: придя к Агабегим перед отъездом попрощаться, он сказал, что очарован ее стихами, хотел бы издать их в Париже и будет предельно благодарен, если она передаст ему небольшую их подборку.

¹ Я весьма и весьма благодарю вас, ваше величество, госпожа Агабегим (фр.).

— Господин де Форш, — сказала Агабегим, — насколько я знаю, ваш народ любит петь, танцевать, смеяться. Не верю, чтоб мои стихи им понравились, в них они не найдут ничего оптимистичного.

— Ваше величество, осмелюсь сказать, что наш народ любит не только оптимистические стихи. Он умеет ценить истинную поэзию, и я абсолютно уверен, что ваши стихи найдут дорогу к сердцу французского читателя.

Агабегим сама сделала подстрочный перевод выбранных ею стихов, вручила ботанику и через пять-шесть месяцев получила новое письмо от мадам де Сталь, где, поблагодарив ее за усилия по освобождению Андре де Форша, писательница добавила: «Ваше величество, я посылаю Вам только что напечатанные стихи Андре де Форша. Он писал эти стихи, будучи в заточении в Тегеране. Я нисколько не сомневаюсь, что Вы почувствуете тонкую печаль, мастерски воспроизведенную в этих прекрасных стихах, высоко оцените их поэтичность. Прочтя в печати эти стихи, я сразу же решила послать их Вам, чтобы Вы знали, что способствовали освобождению не только большого ученого-естествоиспытателя, но и выдающегося поэта. За это я выражаю Вам свою глубокую благодарность и признательность».

Прочтя стихи Андре де Форша, Агабегим увидела, что это те же самые стихотворения, переданные ею французскому ученому, он только зарифмовал подстрочники. Агабегим не стала никому, и в первую очередь Фатали-шаху, говорить об этом, но и отвечать мадам де Сталь тоже не сочла нужным.

Во время переговоров с европейскими политиками и военными, желая многое хранить в тайне даже от дворцовых толмачей — время такое, что никому до конца верить нельзя, — Фатали-шах часто привлекал в качестве переводчицы свою жену Агабегим. Ее манеры, поведение, четкое знание иностранного языка, произношение, как правило, сбивали скрытую или явную спесь европейских посланников.

...И через пять месяцев после смерти Цицианова в один из летних дней по Тегерану разнеслась страшная весть: русские солдаты Шушинского гарнизона поздней ночью по приказу своего начальника внезапно ворвались в летнюю резиденцию отца Агабегим — Ибрагим Халил-хана, расстреляли, перебили саблями хана, его жену, сестер и братьев Агабегим — 6, 8, 10, 12 лет, других близких родственников, дворцовую челядь¹. Эта

¹ 21 июля 1906 года начальник Шушинского гарнизона майор Дмитрий Тихонович Лисаневич с отрядом в двести солдат, окружив летнюю резиденцию карабахского хана Ибрагим Халила, удостоенного императором Александром I звания генерал-лейтенанта, в ханском саду в четырех километрах от Шуши предал смерти хана, его жену, детей и слуг — всего 21 человека.

жуктиная весть всколыхнула весь город. Люди — мужчины и женщины — группами бросились к ханскому дворцу, выражая сочувствие горю Агабегим. В этом многолюдье было столько траура, печали, сочувствия, что даже охранявшие дворец сарбазы не решились разогнать толпу. С того дня Агабегим проводила большинство времени в небольшой келье склепа святого Касума в Тегеране.

Среди жителей Тегерана бытовала версия, что русские солдаты пришли в ужас от содеянного ими и позже, плача, говорили, что дьявол, околдовав Лисаневича, запер его в подвальном помещении гарнизона, а солдаты, выполняя волю дьявола, принявшего облик майора, растерзали Ибрагим Халил-хана, его жену и детей.

...После того как Гурд Керим привез и сдал Голову, которую умело покрыл воском врач Салахаддин Сальяни, по приказу Фатали-шаха ее хранили во дворце, и умеющий тоже все просчитывать, тонкий политик Фатали-шах думал: кто знает, всякое может случиться, и наверняка придет время, когда надо будет возвращать Голову императору Александру.

Голова тайно хранилась в одной из дальних комнат дворца, вход туда был запрещен, только лишь вернувшийся с другого берега Аракса евнух Абдул Рахман имел право посещать в эту комнату, чтобы проверить, не попортилась ли Голова.

И в одну из ночей Агабегим наконец смогла увидеть Голову.

Несмотря на то, что в анфиладах дворца горели свечи, евнух Абдул Рахман двигался впереди, держа в руке подсвечник с горящей свечой, за ним Агабегим и еще, чуть отставая, двое слуг... Приблизились к потайной комнате, и скопец сообщил сарбазам, стоящим по обе стороны от двери:

— Есть разрешение его величества.

Сарбазы поначалу в замешательстве переглянулись, но, видимо, властный вид Агабегим, да и авторитет евнуха во дворце сделали свое дело — сарбазы расступились, и скопец, вытащив из кармана расшитого блестящими халата ключ, отворил дверь. Хотел было шагнуть в комнату, но Агабегим знаком остановила его, взяла подсвечник из рук скопца, не говоря ни слова, передала его одному из слуг, кивнула головой в сторону двери.

Слуга, войдя в комнату, поставил подсвечник на маленький столик у двери, вернулся назад.

— Я желаю остаться одна, — сказала Агабегим и захлопнула дверь перед носом Абдул Рахмана.

Агабегим скинула на плечи чадру.

Золотые пуговицы ее кумачового платья сверкали при свете одинокой свечи.

Голова покоилась на серебряном подносе на круглом столе посреди комнаты. На нее был накинут шелковый платок.

Шагнув вперед, Агабегим сняла платок.

Голова глядела на Агабегим правым, расширенным от ужаса глазом, и левым, в муке прищуренным.

При свете свечи глаза блестили стеклянным.

Агабегим, стоя напротив, какое-то время молча глядела на Голову, затем вдруг опустилась на колени и со страстью, вырвавшейся из глубины души, подняв вверх руки, громким, мученическим голосом так, что натянулись жилы ее нежной шеи, взмолилась, нацелив палец в сторону Головы:

— О, Всемогущий! Он — ни при чем!.. Он только исполнитель!.. Отомсти за Шушинскую бойню его государю! Слышишь меня?! Всю свою жизнь, день и ночь буду молить Тебя, чтобы на глазах друг друга российский император был расстрелян вместе со своими детьми и женой!.. — Агабегим повысила голос — в нем больше повеления, нежели просьбы, мольбы: — И Ты это сделаешь! Ты слышишь меня?! Ты это сделаешь!

Голова, сверкая стеклянными при свете свечи глазами, глядела на Агабегим, словно желая что-то тоже вымолвить. Важное и не менее мучительное.

Агабегим поднялась с колен, взяла подсвечник и стремительно вышла из комнаты. Покрытая воском, невысказавшаяся Голова осталась в одиночестве в этой темной, потайной комнате дворца Фатали-шаха.

Злодеяние, кем бы оно ни было содеяно, никогда не приносит ни удовлетворения, ни тем более счастья ни одной из сторон — даже через века...

* * *

...В раннюю, прекрасную пору весны нежный, хрупкий, желтогрудый соловей, подлетев к раскидистому тутовому дереву, чьи тонкие зеленые листья только-только стали прорастать, огласил своей прекрасной трелью то видимое измерение.

Впервые за все это время видимое пространство не принесло ЕГО бесплотной и невесомой субстанции какую-то отчужденность или некое внутреннее несоответствие. От страстных трелей того желтогрудого соловья по всей округе стали разливаться волны, на раскидистых ветвях тутового дерева замреяла пьянящая, полная радости аура. Молодые побеги, листья явно вдохновлялись этими чистыми волнами, они окутывали молодые листья радостью.

А ОН ясно видел, чувствовал эту радость побегов, листьев тутового дерева. Чуть ниже ветви, на которой переливался желтогрудый соловей, висел еле выделявшийся на фоне листьев сжатый посередке белый кокон, и казалось, под воздействием прекрасных волн, исходящих от желтогрудого соловья, начинал понемногу шевелиться и этот только что зачатый шелковистый кокон.

Нежный хрупкий соловей внезапно перестал петь и устремил глазенки на грушевидный кокон.

На стенке кокона — похоже, от этого взгляда — образовалась небольшая дырочка, и вылетевшая оттуда бабочка раскрыла крылья.

Красные, кофейные, оранжевые, голубые узоры на ее крыльях, казалось, тоже излучали радость, и бабочка своими яркими узорами улыбалась видимому измерению, в котором она только-только открыла глаза.

Та бабочка, чье существо тоже излучало радость, решила впервые вспорхнуть, взлететь в том видимом измерении. Но в тот же миг соловей стремительно сорвался с ветки, клюнул и — проглотил ее.

И тут же видимое измерение стало стремительно удаляться, удалилось и исчезло. И ОН только позже осознал, что удаляется вовсе не измерение. Это ЕГО самого затягивает неведомая сила. То видимое измерение не смогло ЕГО удержать, у измерения не хватило сил, и ОН полетел...

26

27 ноября 1811 года на основании распоряжения, полученного из Санкт-Петербурга новым верховным главнокомандующим, генерал-адъютантом маркизом Паулуччи, скорбные останки Павла Цицианова были забраны из каменистого пустыря перед Двойными крепостными воротами, перевезены в Тифлис и торжественно погребены в церкви Священного Сиона, рядом с могилой генерала Лазарева.

Останки не имели головы.

И дальнейшая судьба Головы неизвестна.

1 октября 2014 года — 12 августа 2015 года

Перевод Азера Мустафа-заде